

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА В РОССИИ

Б. Яковлев *

Член-корреспондент АН СССР Н. М. Дружинин в статье «О периодизации истории капиталистических отношений в России» дал широкое обобщение исторического развития нашей Родины и наметил периодизацию истории СССР начиная с 1760 по 1917 год.

В основу деления истории СССР на хронологические этапы автор положил единый принцип: изменение условий и форм классовой борьбы,— потому предложенная им периодизация является объективным отражением исторического процесса. Однако с некоторыми положениями статьи Н. М. Дружинина нельзя согласиться, и прежде всего с датировкой возникновения капиталистического уклада в России. Помимо периода капиталистического уклада, Н. М. Дружинин в своей статье выделяет особый период, названный им «зачатки капиталистической формации», и на этом основании развитие капиталистических отношений до середины XVIII в. не рассматривает вовсе.

Мало убедительна в данном случае и ссылка Н. М. Дружинина на К. Маркса. К. Маркс в «Капитале» указывал, что зачатки капитализма спорадически появляются в XIV—XV вв., но капиталистическая эра наступает только в XVI веке. Следует напомнить, что Маркс датировал капиталистическую эру для всей Западной Европы и указал как на исключение на страны Средиземноморья, где зачатки капитализма появились раньше, чем в других странах. Для Англии, истории которой Маркс больше всего уделяет внимания в «Капитале», такого исключения он не делает.

Развивая далее своё положение о зачатках капиталистической формации и уклада, Н. М. Дружинин хочет доказать, что капиталистический уклад возникает при определённой зрелости зачатков капиталистического развития, когда образуется, как он пишет, их «более или менее оформившееся единство». Но для установления такого единства нет критерия, и поэтому возникает возможность самого вольного толкования неопределённого термина «оформившееся единство». Значит, и вопрос о времени возникновения капиталистического уклада остаётся дискуссионным.

Правильнее признать существование капиталистического уклада с момента появления первых признаков капиталистического развития.

Не лишне отметить, что мысль о различии между периодом, когда появляются зачатки капиталистического развития, и периодом капиталистического уклада направлена в защиту выдвинутого Ю. В. Готье утверждения о начале капиталистического развития России с середины XVIII века¹.

Н. М. Дружинин датирует начало капиталистического уклада тоже 1760 годом. Но в отличие от Ю. В. Готье, который решительно выбрасывал за борт капиталистического уклада все мануфактуры, учреждённые до середины XVIII в., считая их крепостными, Н. М. Дружинин непосредственно трактует социальную природу русских мануфактур, то признавая их зачаточными явлениями капитализма, то объявляя их социальную структуру крепостной. Такой подход к решению вопроса вряд ли можно считать правильным. Как показал опыт, установление научно точной даты за-

* Саратов. Государственный университет имени Чернышевского.

¹ «История СССР». Т. I, стр. 606. М. 1947. 2-е изд.

рождения капиталистического уклада зависит в конечном счёте от разрешения проблемы политико-экономической сущности русских мануфактур XVII и XVIII веков.

Вопрос о времени зарождения капиталистических отношений в России требует для своего разрешения не столько привлечения дополнительных архивных материалов — их уже достаточно приводилось в специальных публикациях и исследованиях о русской промышленности, — сколько в новом освещении уже известных исторических фактов, на основе марксистско-ленинской методологии.

Камнем преткновения для правильного установления времени зарождения капитализма в России явились посессионные и вотчинные мануфактуры. Многие исследователи, занимавшиеся историей русской промышленности, отвергали капиталистический характер посессионных и вотчинных мануфактур, а некоторые прямо называли их крепостными мануфактурами. Эти мануфактуры определялись как явление феодальной формации и третировались как незаконные дети всеобщей истории.

Главное заблуждение происходило оттого, что капиталистические производственные отношения рассматривались не в развитии, а как «вечные естественные законы». Из поля зрения исследователей выпадало так называемое первоначальное накопление капитала.

Методы обычного капиталистического накопления, являющиеся законом нормального капиталистического способа производства, на ранних стадиях капитализма осложнялись моментами первоначального накопления. Необходимость предположить первоначальное накопление К. Маркс с предельной точностью формулирует в «Капитале».

«Мы видели, как деньги превращаются в капитал, как капитал производит прибавочную стоимость и как благодаря прибавочной стоимости увеличивается капитал,— читаем мы у К. Маркса в начале главы «Так называемое первоначальное накопление». — Между тем накопление капитала предполагает прибавочную стоимость, прибавочная стоимость — капиталистическое производство, а это последнее — наличие значительных масс капитала и рабочей силы в руках товаропроизводителей. Таким образом, все это движение вращается, повидному, в порочном кругу, из которого мы не можем выбраться иначе, как предположив, что капиталистическому накоплению предшествовало накопление «первоначальное»... накопление, являющееся не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом»².

Наиболее ярко выраженным моментом первоначального накопления в отличие от обычного капиталистического накопления, при котором отношение между предпринимателем и рабочими создается самими условиями производства, являлось применение непосредственного внеэкономического насилия в отношении пролетариата со стороны государственной власти.

«При обычном ходе дел, — пишет К. Маркс, — рабочего можно предоставить власти «естественных законов производства», т. е. зависимости от капитала, которая создается самими условиями производства, ими гарантируется и увековечивается. Иное видим мы в ту историческую эпоху, когда капиталистическое производство только еще возникало. Нарождающейся буржуазии нужна государственная власть, и она действительно применяет государственную власть... В этом существенный момент так называемого первоначального накопления»³.

Это широкое обобщение сделано К. Марксом после изучения колоссального фактического материала по истории стран Западной Европы и в особенности Англии.

С конца XV в. в странах Западной Европы издаются кровавые законы против бродяжничества. Плетями, калёным железом, отрезанием ушей, тюремным заключением, угрозой смертной казни правительства приучают людей, насильственно выбитых из обычных жизненных условий, к наёмной работе, к капиталистической дисциплине труда. Государственная власть помогает нарождающейся буржуазии удерживать на предприятиях рабочих в рабской зависимости, законодательным порядком регулирует и понижает заработную плату, удлиняет рабочий день.

² К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 718. Госполитиздат. 1949.

³ Там же, стр. 741.

«По сие время,— пишет Маркс о современной ему Англии,— сохранились в полной неприкосновенности предписания рабочих законов, касающиеся договоров между хозяином и рабочим, сроков предупреждения и т. д., — предписания, согласно которым к хозяину, нарушившему контракт, может быть предъявлен лишь гражданский иск, тогда как рабочий, нарушивший контракт, подлежит уголовной ответственности»⁴.

Государство оказывает нарождающейся буржуазии колоссальную косвенную и прямую финансовую поддержку путём расширения колониальной системы, чрезмерного обложения налогами трудящегося населения, государственных займов, путём защиты нарождающейся промышленности высокими тарифами. «Эти методы, — пишет Маркс, — в значительной мере покоятся на грубейшем насилии, как, напр., колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, т. е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы ускорить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии»⁵.

В странах европейского континента правительства не только развивают систему протекционизма для защиты промышленности, но и непосредственно делают вложения в промышленность. «На европейском континенте, — читаем у Маркса, — процесс этот, с легкой руки Кольбера, был еще более упрощен. Первоначальный капитал притекает здесь к промышленникам в значительной мере прямо из государственного казначейства»⁶.

Таким же в главном и существенном было зарождение капитализма в России, начавшееся в XVII веке. Особенно моментами первоначального накопления отмечена деятельность Петра I.

Пётр объявил решительную борьбу «гулящим людям». По указу 1700 г., их велено забирать в солдаты или «давать из приказа холопья суда на кабальных людей кабалы, а на крестьян судные записи». Указы 1721 г., а также 1736, 1758, 1762 гг. повелевали бродяг, нищих и другой деклассированный элемент отдавать на фабрики. Правительство предоставило фабрикантам право наказывать «домашним порядком» «неприлежных» рабочих, а неисправимых ссылать на Камчатку.

Неотложные военные потребности и непривычка русского купечества к промышленной деятельности заставили Петра I начать устройство казённых заводов и фабрик (мануфактур). Большинство казённых предприятий в дальнейшем было передано бесплатно и даже с дотациями в частные руки. Для развития промышленности создавались торгово-промышленные компании, фабрикантам выдавались ссуды, предоставлялись монополии. Общее руководство промышленностью было передано Мануфактур- и Берг-коллегии, которые определяли размер производства, высоту заработной платы, продолжительность рабочего дня, заботились о снабжении предприятий рабочей силой. Для защиты отечественной промышленности в 1724 г. правительство Петра ввело высокий протекционистский тариф, согласно которому ввозной товар облагался пошлиной в размере от 25 до 75% его цены.

Даже Туган-Барановский, который первый заговорил о крепостной фабрике, находил, что поддержки Петром промышленности была необходимым условием капиталистического развития. Он писал, что «правительство Петра пыталось создать капиталистическую фабрику, но силою вещей создалась крепостная фабрика»⁷. Несколько иного мнения придерживаются современные защитники тезиса крепостной мануфактуры. Они считают капиталистической только выросшую из промыслов в середине XVIII в. крестьянскую и купеческую мануфактуру и не признают того, что капиталистическая промышленность может насаждаться государством. Этот взгляд страдает известной ограниченностью.

К. Маркс указывал на чрезвычайно медленный темп такого накопления капитала, не соответствовавший потребностям времени зарождения капиталистического уклада. «Без сомнения, — писал Маркс в «Капитале», — некоторые мелкие цеховые мастера и еще большее количество самостоятельных мелких ремесленников и даже наемных рабочих превратились сначала в зародышевых капиталистов, а потом, постепенно расширяя эксплуатацию наемного труда и соответственно усиливая накопление капитала, в капиталистов *sans phrase* [без оговорок]. Но необычайная медлительность

⁴ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 744.

⁵ Там же, стр. 754.

⁶ Там же, стр. 760.

⁷ М. Туган-Барановский. Русская фабрика, стр. 70. 1934.

этого метода отнюдь не соответствовала торговым потребностям нового мирового рынка, созданного великими открытиями конца XV века»⁸.

Приложимо ли указание Маркса к России?

Сторонники тезиса крепостной мануфактуры обычно стараются, аргументируя свою точку зрения, опереться на работу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», в которой Ленин приводит примеры генезиса капиталиста из ремесленника. Но это совсем не означает, что Ленин не признавал большой роли русского государства в насаждении капитализма. В статье «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», характеризую период 1861—1905 гг., Ленин пишет о росте капитализма в России с двух сторон — сверху и снизу. «Именно этот период, — читаем в этой статье, — был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху»⁹.

Очень важное значение не только для подтверждения того, как относился Ленин к вопросу о роли государства в насаждении капитализма, но и для понимания эпохи первоначального накопления в России имеет статья Ленина «Третья дума». В ней Ленин указывает на конкретных носителей традиций первоначального накопления в начале XX в. — октябристов, которым даёт следующую характеристику: «Конкуренцию допотопному хищнику (черносотенцу. — Б. Я.), хищнику крепостнической эпохи, составляет в данном случае хищник эпохи первоначального накопления. — тоже грубый, жадный, паразитический, но с некоторым культурным лоском и — главное — с желанием также ухватить добрый кусок казенного пирога в виде гарантий, субсидий, концессий, покровительственных тарифов и т. д. Этот слой землевладельческой и промышленной буржуазии, типичной для эпохи первоначального накопления, находит себе выражение в октябризме и примыкающих к нему течениях. У него много интересов, общих с черносотенцами *sans phrases*, — хозяйственный паразитизм и привилегии, квасной патриотизм»¹⁰. Здесь указаны моменты первоначального накопления в России, которые общи всем странам, вступившим на путь капитализма.

Но что действительно сразу не укладывается в обычные представления о капитализме, так это явления, получившие развитие к концу правления Петра I и при его преемниках: во-первых, распространение на «купецких людей» права покупать к заводам и фабрикам (мануфактурам) населённые деревни при условии, чтобы эти деревни были всегда при заводах и фабриках; во-вторых, приписка к фабрикам деревень, населённых казёнными крестьянами; и, в-третьих, появление вотчинных мануфактур. Отсюда живучесть взгляда на первые русские мануфактуры как крепостные.

Попытаемся рассмотреть социально-экономическую природу этих явлений.

Зарождение капитализма, как мы видели, сопровождалось в России теми же явлениями, что и в других странах. Возникновение мануфактур знаменовало рождение новых общественно-экономических отношений, рождение капиталистического уклада. Но в отличие от стран Западной Европы в России капиталистический уклад возник в период, когда феодально-крепостнический строй не только не был уничтожен, но даже не поколеблен; больше того: крепостнические отношения всё усиливались. Новый уклад зародился и развивался в России, но старый как будто тоже чувствовал себя ещё в расцвете сил и не хотел уступать ему дорогу.

Особенность истории России состояла в том, что в ней осуществилось длительное сосуществование двух укладов — феодально-крепостнического и капиталистического, — между которыми шла глубокая, то скрытая, то прорывающаяся наружу борьба. Она находит своё яркое отражение и в экономической, и в социальной, и в политической областях. Стоит, например, вспомнить столкновение интересов дворянства и купечества в екатерининской комиссии по составлению нового уложения (1767—1768 годы). Необходимо только оговорить, что для современников сущность этой борьбы между старым и новым не всегда была ясна. Представители феодального строя — дворяне, часто не сознавая того, объективно помогали рождению нового строя, и, наоборот, представители прогрессивного для того времени класса — купечества — выступали с феодальными поползновениями.

⁸ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 753.

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 300. 4-е изд.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 107—108.

Так, в комиссии по составлению нового уложения дворяне, озабоченные увеличением оброка со своих крепостных, ратовали за поощрение крестьянских промыслов, а кустарные промыслы, как известно, являются питательной средой для роста капитализма. Кулечество же боролось за право иметь на своих фабриках и заводах крепостных, т. е. за перенесение феодальных методов эксплуатации в промышленность.

В переходный период, когда старое ещё чувствует себя сильным, а ростки нового не окрепли, возможны проникновение старого в новое и ряд промежуточных ступеней между ними.

Ленин неоднократно писал о том, как иногда бывает трудно провести грань, в частности указать, где кончается барщинно-феодалный строй и где начинается капиталистический в земледелии. Он показал и переходную форму от барщины к капитализму в виде отработок: «Отработки, это — прямой и непосредственный пережиток барщины. Отработки, это — переход от барщины к капитализму»¹².

Ленин пояснил, что отработочная и капиталистическая системы соединяются в отдельном помещицком хозяйстве: «Дело обстоит обыкновенно так, что в помещицком хозяйстве соединяются отработочная и капиталистическая система, применяемые по отношению к различным операциям земледелия»¹³. Ленин не мыслил себе, чтобы капиталистический способ производства привился где бы то ни было сразу, без неудач и возвращения к старому. «А если взять вопрос по существу, — писал Ленин в статье «Великий почин», — разве бывало в истории, чтобы новый способ производства привился сразу, без долгого ряда неудач, ошибок, рецидивов? Полвека после падения крепостного права, в русской деревне оставалось еще немало пережитков крепостничества»¹⁴.

Ленин учил при подходе к отдельным сторонам явления не упускать из виду общую историческую обстановку. Он зло высмеивал народников за метафизику, за то, что они выхватывали отдельные стороны явления, рассматривая их вне сложной цепи связей и взаимозависимостей. Народники, как известно, отрицали капитализм в крестьянской домашней промышленности на том основании, что рабочие сохраняют крохотные земельные хозяйства. «Это последнее обстоятельство, — писал Ленин, — особенно смущает «друзей народа», привыкших мыслить, как и подобает истым метафизикам, голыми непосредственными противоречиями: «да, да — нет, нет, а что сверх того, то от лукавого».

Безземельные рабочие — капитализм, владеют землей — нет капитализма; и они ограничиваются этой успокоительной философией, опуская из виду всю общественную организацию хозяйства»¹⁵.

Ленин не фетишизировал и «свободу труда» в реальном капиталистическом обществе, что обычно делают те, которые доказывают существование крепостной фабрики в России, и подчёркивал, что лишь «...«идеальный» капитализм есть полнейшая свобода договора на свободном рынке — между собственником и пролетарием»¹⁶.

В свете ленинских идей политико-экономическая сторона дореформенных мануфактур может быть представлена как капиталистическая, но с пережитками крепостничества, которые более или менее давали себя знать, в зависимости от того, к какому разряду они относились. Рассматривать их как нечто однородное — большое упрощение.

Прежде всего бросаются в глаза разнообразие сословного и социального происхождения и положения их владельцев, разные способы обеспечения мануфактур рабочей силой, различие правового положения рабочих на отдельных предприятиях и внутри предприятий, различное отношение к государству отдельных разрядов мануфактур и т. д. Обычно мануфактуры делят на четыре типа: 1) посессионные, 2) вотчинные, 3) казённые, 4) купеческие и крестьянские с вольнонаёмным трудом.

Посессионные фабрики и заводы (мануфактуры) ведут начало с петровского времени. Они получали от правительства пособия землёй, строениями, рабочими людьми или были устроены за счёт денежных сумм, отпущенных казной в пособие без воз-

¹² В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 67.

¹³ Там же, стр. 68.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 340. 3-е изд.

¹⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 193.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 66.

врата, или получали дозволение на покупку крестьян, если владелец их по своему званию не имел на это права. Правительственным распоряжением к посессионным мануфактурам приписывались рабочие. Приписка происходила в разное время и по различным поводам для различных категорий рабочих.

Раньше всех крепкими фабрике оказались крестьяне, купленные фабрикантами на основании указа 1721 г. о лицах недворянского происхождения; попадая на мануфактуры, крестьяне меняли только владельца. Затем как крепких фабрике стали рассматривать приписанных к ней казённых крестьян, отставных солдат, бродяг, преступников и т. д. И, наконец, в 1736 г. был издан указ, по которому все, кроме чернорабочих, работавшие на фабриках и заводах в момент издания указа, были навсегда приписаны к ним и названы «вечно отданными мастеровыми».

Что касается купленных крестьян, то можно предполагать, что их было немного. Право покупки купечеством — а оно в огромном большинстве владело посессионными фабриками — вскоре после издания указа 1721 г. стало ограничиваться в угоду дворянству, не желавшему делиться привилегией душевладения с «неблагородными» (указы 1736 и 1752 гг.), а в 1762 г. и совсем было отменено, если не считать восстановления его Павлом I, когда им уже никто не воспользовался.

Таким образом, главную категорию рабочих, прикреплённых к мануфактурам, составляли казённые крестьяне, деклассированный элемент и «вечно отданные мастеровые».

Чем был вызван к жизни институт приписных рабочих? Туган-Барановский утверждал, что промышленность в петровской Руси могла основываться только на крепостном труде вследствие всеобщего закрепощения населения. «Социально-экономическое положение тогдашней России, — писал Туган-Барановский о петровском времени, — было таково, что капиталистическое (т. е. основанное на наёмном труде) производство у нас было невозможно. Для последнего нехватало в России самого важного условия — класса свободных рабочих»¹⁷.

Не останавливаясь на фактической неточности, допущенной Туган-Барановским в части казённых крестьян, которые юридически не были крепостными, отметим неправильность исходных принципов этого положения.

Утверждая вначале, что возникновению класса свободных рабочих препятствовало крепостное право, Туган-Барановский затем разрушает своё построение тем, что говорит о появлении в начале XIX в. капиталистической фабрики с вольнонаёмным трудом, совсем забывая о существовании в это время крепостного права, и о том, что правовое положение населения не изменилось по сравнению с предыдущим веком.

Создание кадров пролетариата К. Маркс связывал с относительным перенаселением. Лишённые средств производства и существования, крестьяне и ремесленники выталкиваются на рынок труда. На ранней стадии капитализма спрос на наёмный труд возрастал быстрее, чем предложение труда, создаваемое относительным перенаселением. Причину этого К. Маркс видел в низком органическом составе капитала мануфактур, где переменная часть капитала составляла большую долю, чем постоянная, и потому спрос на рабочие руки быстро возрастал по мере вложения новых капиталов в промышленность. «Переменный элемент капитала, — писал Маркс, — сильно преобладал над постоянным его элементом. Вследствие этого спрос на наёмный труд быстро возрастал при каждом накоплении капитала, а предложение наёмного труда лишь медленно следовало за спросом. Значительная часть национального продукта превратившегося позднее в фонд накопления капитала, в то время еще входила в фонд потребления рабочего»¹⁸.

Диспропорция между спросом и предложением труда даже в Англии, где процесс пролетаризации крестьянского населения проходил интенсивно, беспокоила правительство. Поэтому в Англии издавались законы против бродяжничества, которые отдавали пролетариев в пожизненное рабство капиталистам, а чтобы не допустить повышения заработной платы сверх необходимого для рабочего минимума, издавались рабочие статуты, удлиняющие рабочий день и регулирующие заработную плату.

В Англии относительное перенаселение возникло в результате массового изгнания крестьян с земли, которое, в свою очередь, было следствием превращения пашни в

¹⁷ М. Туган-Барановский. Указ соч., стр. 20.

¹⁸ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 742.

пастбище для скота, расхищения ленд-лордами общинных земель, мошенического отчуждения государственных земель, превращения феодальной собственности и собственности кланов Шотландии в современную частную собственность.

В крепостной России относительное перенаселение создавалось условиями феодально-крепостного хозяйства: ненормальным географическим размещением сельского населения, прикреплённого к земле, и начавшегося разорения деревни вследствие усиленной эксплуатации крестьянского труда в помещичьих хозяйствах. Однако разорённым крестьянам невозможно было совсем порвать с сельским хозяйством из-за крепостного права и прикрепления к земле, они испытывали трудности и отхода в города. В то же время потребности государства и внутреннего рынка расширялись, увеличивался приток капитала в промышленность.

Заработная плата рабочих при таких условиях повышалась выше среднего уровня. Фабриканты жаловались в Мануфактур-коллегию на то, что им негде набрать рабочих, на «капризность» рабочих, не желавших оставаться на работе и требовавших повышения заработной платы. В первой половине XVII в. на Урале разница в оплате по вольному найму и ставкам правительства достигала огромных размеров; нанимая вместо себя вольнонаёмных исполнителей тех работ, выполнение которых было обязанностью пашенных крестьян, последние платили им по ценам в 2½—6 раз выше, чем сами получали от правительства¹⁹.

Кроме того хотя простота производственного процесса на мануфактурах и облегчала набор рабочей силы, но в любой момент рабочий мог оставить производство и перейти к продолжению своей деятельности в качестве ремесленника. «Класс наемных рабочих,— обращал на это внимание Маркс,— возникший в последней половине XIV столетия, составлял тогда и в следующем столетии очень ничтожную часть народа; его положение находило себе сильную опору в самостоятельном крестьянском хозяйстве в деревне и цеховой организации в городах»²⁰.

Идя навстречу требованиям капиталистов, царское правительство предприняло более действенные меры к снабжению мануфактур рабочими руками, чем издание законов против бродяжничества. Дальнейшим развитием антирабочего законодательства и, значит, дальнейшим шагом в развитии методов первоначального накопления в России явилась приписка рабочих к мануфактурам. Она означала предоставление предпринимателям неограниченного права в эксплуатации труда рабочих.

Характерно, что современники, в отличие от сегодняшних теоретиков крепостной мануфактуры, не считали рабочих мануфактур формально крепостными. И в самом деле они не были такими сословно-бесправными, как крепостные помещика.

«По терминологии того времени, они были «крепки фабрике», а не владельцу. Власть фабриканта над ними была ограничена, и правительство оставляло за собой право регулировать взаимные отношения владельца посессионной фабрики к рабочим. Посессионная фабрика признавалась вместе со всеми находившимися при ней рабочими нераздельным целым; владелец не имел права раздроблять фабрику, продавать крестьян отдельно от фабрики или переводить их на другую... Состоящих при фабрике рабочих владелец имел право употреблять только на фабричные работы, выдавая им «достаточную заработную плату»; размер этой платы, продолжительность рабочего дня, высота уроков (при поштучной работе) могли быть устанавливаемы фабрикантом, но правительство признавало за рабочими право обжаловать постановление фабрикантов, и в таком случае дело решало правительственной властью... За притеснение рабочих, за неправильное употребление их — например, вместо фабричной работы, в домашние услуги — фабриканту грозило освобождение рабочих»²¹.

Безусловно, произвол фабрикантов был обычным делом, но такова уж была действительность феодально-бюрократической России.

Если же посмотреть на экономический строй посессионных мануфактур, то недопустимость смещения приписных рабочих с крепостными станет ещё яснее.

Ленин так сформулировал три отличительных признака капиталистической системы от крепостнической: «Во-первых, крепостное хозяйство есть натуральное хозяйство,

¹⁹ «Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX века». Ч. 1-я, стр. LIII и XXVIII. М.-Л. 1935.

²⁰ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 741—742.

²¹ М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 91—92.

капиталистическое же — денежное. Во-вторых, в крепостном хозяйстве орудием эксплуатации является прикрепление работника к земле, наделение его землей, в капиталистическом же — освобождение работника от земли. Для получения дохода (т. е. прибавочного продукта) крепостник-помещик должен иметь на своей земле крестьянина, обладающего наделом, инвентарем, скотом. Безземельный, безлошадный, бесхозяйный крестьянин — негодный объект для крепостнической эксплуатации. Для получения дохода (прибыли) капиталист должен иметь перед собой именно безземельного, бесхозяйного работника, вынужденного продавать свою рабочую силу на свободном рынке труда. В-третьих, наделенный землей крестьянин должен быть лично зависим от помещика, ибо, обладая землей, он не пойдет на барскую работу иначе как под принуждением. Система хозяйства порождает здесь «внеэкономическое принуждение», крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность и т. д.»²².

Как видно из ленинского текста, третье отличие капиталистической системы от крепостного хозяйства, «личная зависимость» крестьянина, порождается в крепостном хозяйстве тем, что наделенный землей крестьянин, ведущий своё хозяйство, не пойдет на барскую работу иначе, как под принуждением. Можно ли то же сказать о приписном рабочем?

Действительно, некоторые рабочие (мастеровые) посессионных мануфактур занимались и земледелием, но сельское хозяйство для них было подсобным занятием, а главным средством существования являлась денежная заработная плата. Таким образом, не обладание земельным наделом порождало «крепость» рабочих к мануфактуре, а совсем другое — стремление капиталистов к безграничной капиталистической эксплуатации пролетариев.

Что касается первых двух признаков, то по ним, бесспорно, посессионные фабрики могут быть отнесены к капиталистическим предприятиям: мануфактура не может быть натуральным хозяйством, и орудием эксплуатации в ней не является прикрепление работника к земле.

Отметим наконец, что к горным заводам на Урале приписывались деревни казённых крестьян, находящиеся около заводов. Одна часть этих приписных крестьян была непосредственно занята в производстве, а другая работала по заготовке и перевозке леса, который служил топливом для доменных печей. Для последней категории крестьян работа на заводе считалась казённой повинностью взамен и наряду с другими казёнными повинностями. Эти крестьяне оставались по своему социальному положению крестьянами. Первые же, занятые на добыче руды и на металлургических заводах, были действительно рабочими, но они часто не порывали с землей. В их положении оставались черты крепостнической зависимости, которые давали себя знать даже много лет спустя после реформы 1861 г., что и было отмечено Лениным в его работе «Развитие капитализма в России».

Вывод: посессионная мануфактура по своему экономическому строю являлась капиталистической, но получила своеобразную форму развития в крепостнической России.

От посессионных мануфактур необходимо отличать вотчинные, что обычно не делается. Вотчинные мануфактуры заводили в своих имениях помещики, используя на них труд крепостных. Работа на таких мануфактурах для крестьян была своеобразной барщиной. Они работали «брат на брата», т. е. определённое время одна партия крестьян работала на фабрике, другая — в своём хозяйстве, а затем они менялись местами.

Исторически вотчинная мануфактура — продукт более позднего времени, чем посессионная. «Вотчинные фабрики, — отмечает Туган-Барановский, — появились в большом числе во второй половине XVIII века, когда дворянство поняло выгоду фабричной промышленности и стало устраивать фабрики в своих поместьях»²³.

Как это ни покажется странным на первый взгляд, но вотчинные мануфактуры с явными чертами крепостничества обязаны своим возникновением развитию капитализма в России. Без такого наглядного и убедительного примера, как посессионные

²² В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 66.

²³ М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 85.

мануфактуры, в которых мы видели признаки ранней эпохи капиталистического способа производства, вотчинных мануфактур, возможно, в России и не было бы.

Мануфактуры бояр, царских родственников: Морозова, Нарышкина, Милославского — не похожи на те, которые устраивались во второй половине XVIII в. помещиками. На вододействующем заводе Б. И. Морозова в с. Павлово в середине XVII в. применялся наёмный труд, в поташном производстве в имениях Морозова только подсобный неквалифицированный крестьянский труд засчитывался в счёт оброка, тогда как мастера этого производства получали денежное жалование²⁴.

О вотчинных мануфактурах XVIII в. известно очень мало, и трудно сказать, каких в них было больше элементов — крепостнических или капиталистических. Но, во всяком случае, они отличались от барщинного натурального хозяйства тем, что имели денежный предпринимательский характер. Квалифицированные рабочие на них, видимо, получали денежную заработную плату, хотя бы в виде премий.

Вотчинные мануфактуры можно считать промежуточной ступенью между барщинным и капиталистическим хозяйством, так как они выросли целиком из крепостного уклада и знаменовали более эволюцию помещичьего хозяйства, чем общее промышленное развитие России.

Казённые мануфактуры появились в России в XVII в., особенно много их было построено в первую половину царствования Петра I, но и в дальнейшем они продолжали существовать вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции в отраслях промышленности, связанных с военными нуждами. Обеспечение рабочей силой предприятий, правовое положение рабочих и т. д. на казённых предприятиях до 1861 г. существенно не отличалось от посессионных, с той только разницей, что на казённых мануфактурах владельцем являлось дворянское государство, а на посессионных — частное лицо.

Что касается не имевших приписных рабочих крестьянских и купеческих мануфактур, которые, по уверениям теоретиков крепостной мануфактуры, являлись единственными представителями капиталистических предприятий в России до крестьянской реформы 1861 г., то не следует, как это делают теоретики крепостной мануфактуры, преувеличивать «свободу» капиталистических отношений на этих предприятиях и на этом основании противопоставлять их посессионным мануфактурам.

Рабочие на этих мануфактурах, как правило, занимали принижённое положение, связанное с большим развитием кабалы и личной зависимости. Здесь существовали такие формы кабалы, как получение в наймы от помещиков крепостных за определённую плату; эти рабочие получали от фабриканта не заработную плату, а нищенский паёк. Когда отдача помещиками своих крепостных в наём была запрещена правительством, фабриканты, чтобы обойти закон, стали выдавать заработную плату рабочим из крепостных крестьян не в руки помещику, а как бы сельскому обществу или семьям рабочих. Предприниматели с. Иваново закабалили рабочих, уплачивая помещику оброк за своих недоимщиков-односельчан. Существовал обычай найма подростков в качестве учеников на сомиетный срок, ранее которого они не могли покинуть предприятие, и т. д.²⁵

Неправильно утверждение защитников тезиса крепостной мануфактуры и о том, что мануфактуры этого типа возникли в середине XVIII века. Промышленные заведения крепостных крестьян не были новостью и ранее. Так, крестьянин боярина Б. И. Морозова Иван Демидов уже в середине XVII в. имел винокурню («винный промысел»), внося Морозову оброк 100 руб. деньгами (1500 руб. золотом на деньги начала XX в.); о размерах винокурень мы узнаём из другого документа, в котором отмечается, что в вотчинах Морозова при винокурнях находились избы, «где живут работные люди»²⁶.

В царствование Петра I случаи выделения фабрикантов из среды крестьянства и ремесленников были очень часты. Даже в период борьбы правительства «с безуказной промышленностью» в 30—50-х годах XVIII в. продолжался процесс превращения мелкого товарного производства в крупное. Пример этому — возникновение льноткацких мануфактур крестьянина Лукновского²⁷. Снятие правительственных рогаток с

²⁴ «Хозяйство крупного феодала XVII века». Ч. 2-я, стр. 40—41. М.-Л. 1936.

²⁵ М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 75—78.

²⁶ «Хозяйство крупного феодала XVII века». Ч. 2-я, стр. 33, 28.

²⁷ «Материалы по истории крестьянской промышленности», Ч. 1-я, стр. XLIX.

промышленной деятельности во второй половине XVIII в. только облегчило выход на историческую арену этого типа предпринимателей.

До сих пор речь шла о возникновении и первых этапах развития только мануфактур как главных показателей роста капиталистического уклада, но картина будет неполной, если оставить в стороне распространение наёмного труда в различных промыслах (соляном, рыбном и т. д.), на водном транспорте, городском строительстве, торговле, потому что «...в вопросе о развитии капитализма едва ли не наибольшее значение имеет степень распространения наемного труда. Капитализм, это — та стадия развития товарного производства, когда и рабочая сила становится товаром»²⁸.

О широком применении вольного найма в XVII в. говорят документы из архива боярина Б. И. Морозова. Судовладелец-подрядчик из крепостных крестьян Иван Антропов в 1659 г. просил у Морозова займообразно, для расплаты с «рабочими людьми», которые вышли на двух судах с солью из Астрахани, 2 тыс. руб. (34 тыс. золотых руб.). Тот же Антропов занимался рыбными промыслами в Астрахани, имел там свои собственные «кучуги», на которых, без сомнения, работали наёмные рабочие²⁹. Из источников начала XVIII в. известно, что в с. Лаишево, Казанской губернии, расположенном на реке Каме, в 30 верстах от впадения её в Волгу, куда ежегодно приставали суда с солью, собиралось в навигацию до 20 тыс. крестьян, предоставлявших себя в наём³⁰.

Более полную картину распространения вольного найма, главным образом вне мануфактур, можно получить по XVIII в., так как имеются точные статистические сведения по некоторым губерниям об отходниках. Так, в 1778 г. в Ярославской губернии уходило на заработок 58 656 крестьян, что составляло около 20% мужского населения губернии. В Московской губернии в 1799 г. было взято отходниками 48 932 паспорта, или иначе 10% мужского населения уходило на заработки³¹. Привлечение данных о распространении вольного найма на внемануфактурных отраслях народного хозяйства уточняет наше представление о росте и укреплении капиталистического уклада в России, начиная с XVII века.

В то же время в сельском хозяйстве наблюдается безраздельное господство феодальной ренты и почти полное отсутствие ренты капиталистической.

Признаки капиталистического уклада в сельском хозяйстве появились в начале XIX в. на юге Украины и Заволжья и на свекловичных плантациях Правобережной Украины, обработывавшихся вольнонаёмным трудом десятков тысяч отходников.

Последнее, на чём необходимо остановиться,— это стадийность развития капиталистического способа производства в России, т. е. прохождение капиталистическим производством последовательных форм развития от низшего к высшему.

Маркс и Ленин различали три исторических формы капиталистического производства: простую кооперацию, мануфактуру и машинную промышленность. Русские исторические источники показывают ту же последовательность смены различных форм капиталистического производства. Капиталистическая кооперация и мануфактура вырастают в России на базе сложившегося искусного ремесла и не являются чем-то привнесённым извне.

Злойной клеветой на русский народ, на его организаторские и творческие способности звучат слова Туган-Барановского, утверждавшего, что русская домашняя промышленность и ремесло существовали преимущественно в виде плетения лаптей, валяния войлоков, ткачества грубого холста и других полезных, но не сложных производств, которые были органически неспособны к перерастанию в мануфактуру. По Туган-Барановскому, якобы только иноземные мастера, принеся с собой технические знания, могли построить крупную промышленность в России, а потом уже «фабрика порождает домашнюю промышленность»³².

В действительности, какую бы отрасль промышленности России ни взять, мы видим, что она имеет прочные корни в русском ремесле и домашнем производстве и что роль иностранных мастеров в её развитии была весьма ничтожна.

²⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 509.

²⁹ «Хозяйство крупного феодала XVII века». Ч. 2-я, стр. 35.

³⁰ «Материалы по истории крестьянской промышленности». Ч. 1-я, стр. LI.

³¹ М. Туган-Барановский. Русская фабрика, стр. 40.

³² Там же, стр. 168—170.

Важнейшей отраслью промышленности для русского государства было изготовление железа. Весь внутренний спрос на железо и железные изделия в России XV—XVII вв. удовлетворялся крестьянской и посадской железодельной промышленностью Тульского края, Карелии, Каргополя, Устюжны-Железопольской и других мест. В сотнях кузниц железная руда перерабатывалась в гвозди, сошники, лемехи, строительное железо, ножи, сковороды, пушки, ядра и другие предметы. На Урале, который стал основным металлургическим центром России в XVIII в., крестьянские и посадские кузнецы начали разрабатывать руду в 20-х годах XVII века³³.

Первоначально укрупнение производства в России произошло в форме капиталистической кооперации. Железодельные «заводы» на Урале ещё в середине XVII в. представляли собой соединение отдельных плавильных горнов, процесс работы и техника на которых ничем не отличались от процесса работы ремесленников³⁴.

Начало мануфактурного периода в железодельном производстве, т. е. переход к доменной плавке чугуна, которая связана с применением вододействующих приспособлений для обработки железа, было положено в Туле. Здесь вместо сыродутного железа стали выплавлять предварительно чугун, а из чугуна выделять железо.

Условия для возникновения тульских заводов были подготовлены всем развитием русской железодельной промышленности. Уже в более раннее время в России производились изделия из литого чугуна, применение механической силы воды не было абсолютным новшеством для русского централизованного государства, где водяные мельницы имелись ещё в XVI в., а впервые появились, возможно, и раньше. Попытки использовать силу падающей воды в промышленных предприятиях приходится на начало XVII в., задолго до устройства Виниусом и Марселисом заводов в Туле³⁵.

О значении русского ремесла в «железном» деле, как предпосылки для возникновения мануфактурных предприятий России, говорит выбор места для первых чугунолитейных заводов. В первую очередь их устроители учитывали возможность использования рабочей силы славившихся своим искусством тульских кузнецов и оружейников. Об этом говорит и постоянно практиковавшаяся с XVII в. переброска кузнецов с их родины в тот или другой, нередко отдалённый край, где организовывались новые заводы, из Казани — на Урал, из Устюжны — в Сибирь и т. д. Безграмотные иностранные мастера в силу предоставленных им царским правительством привилегий и монополий только использовали навыки и искусство, накопленные русскими ремесленниками.

В 30-х годах XVII в. Виниус и Марселис монополизировали устройство железодельных «мельничных заводов» — никто впредь не имел права устраивать их в пределах Тулы и даже России; в их руках оказались лучшие железорудные месторождения, разрабатывавшиеся ранее тульскими ремесленниками. Можно только удивляться, что под гнётом такой монополии из рядов тульских кузнецов в XVII в. выходили организаторы многочисленных мануфактур, а в лице Демидовых и Баташёвых появились основатели крупной горнозаводской промышленности на Урале и в центре России. Путь развития из домашнего и посадского ремесла в капиталистическую кооперацию, а потом и в мануфактуру прослеживается и в другой решающей отрасли промышленности — текстильной.

Производство полотняных и льняных изделий было широко распространённым занятием на Руси, причём существовало не только в форме домашнего ремесла, но во многих местах было занятием ремесленников и кустарей. В XVII в. с. Данилово, в Шуйском уезде, платило оброк царю холстом и сукнами, в с. Тейково изготовлялись окрашенные льняные и шерстяные ткани, а в сёлах Иваново и Кохма уже тогда главным занятием жителей было ткачество³⁶. Большое количество холста и пряжи обращалось на внутреннем рынке, а часть шло и за границу³⁷. «Организация» Тамесом и его компаньонами мануфактуры в с. Кохма свелась к экспроприации знаний и навыков ремесленников этого села в свою пользу. Подобное происходило и при организации казённых полотняных и льноткацких мануфактур.

³³ «Материалы по истории крестьянской промышленности». Ч. 1-я. стр. XX и XXVII.

³⁴ Там же, стр. XXIX.

³⁵ Там же, стр. XXX—XXXII.

³⁶ «Материалы по истории крестьянской промышленности». Ч. 1-я, стр. XLIV.

³⁷ П. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности, стр. 68. 1947.

Характерно, что все «указные» и казённые полотняные мануфактуры при Петре I и позже покупали пряжу различных сортов и разного качества готовой у ремесленников на рынке, что говорит о достаточном количестве хорошо подготовленных производителей пряжи, для вновь вводимых сортов тканей³⁸.

О преемственности между ремеслом и мануфактурой в полотняном производстве говорит и возникновение, вопреки «указному» запрещению, мелких промышленных заведений типа мануфактур при Петре I. В 30-х годах XVIII в. в с. Иваново возникли крупные мануфактуры крестьян Бутримова и Грачёва, в деревне Лукново — мануфактура дворянина Лукновского и др.

В суконном, шёлкоткацком и хлопчатобумажном производстве, которые сразу возникли в России в форме мануфактуры, частью вследствие сложности производства, недоступной отдельному ремесленнику, а частью из-за отсутствия в России собственного сырья, без сомнения, использовались производственные навыки прядения и ткачества, накопленные в полотняном производстве. То же наблюдается и в других отраслях производства.

Привилегированная промышленность при помощи дворянского государства в первой половине XVIII в., ожесточённо обрушиваясь на конкурировавшую с ней крестьянскую и посадскую промышленность, разрушала ремесло в России. Существовавшие без разрешительного указа от Мануфактур-коллегии небольшие мастерские и мануфактуры объявлялись вне закона, безуказные производители выслеживались, с них устраивались настоящие облавы; оборудование мастерских и готовые изделия подвергались конфискации. Поэтому у позднейших поколений могло создаться впечатление о слабом развитии ремесла в России до середины XVIII в., а затем оно проникло и в исторические концепции наших дней.

Мануфактурный период в России наступает и заканчивается в силу отсталости экономического и социального строя несколько позже, чем в Западной Европе.

Продолжительность господства мануфактурного периода К. Марксом определена с половины XVI столетия до последней трети XVIII столетия³⁹. Нетрудно убедиться, что за начальную грань мануфактурного периода здесь берётся момент, когда мануфактуры уже приобрели известную устойчивость и широту распространения, так что их существование устанавливается по историческим источникам, а заканчивается мануфактурный период, когда нашли применение первые машины в Англии.

В России мануфактурный период датируется довольно точно. Достоверные сведения о первых русских мануфактурах имеются в источниках, начиная с 30-х годов XVII в., если не считать более ранних известий о канатных, стекольных, мельничных и других «заводах», по которым невозможно установить форму существующего на них процесса производства.

Не мудрствуя лукаво, 30-е годы XVII в. и нужно считать началом мануфактурного периода в России. Конец его установить ещё легче: его следует отнести ко времени изготовления и применения первых машин на отечественных заводах. Паровые машины в России стали изготавливаться на казённом заводе в Петрозаводске в 1790 году. Первая паровая машина установлена на машиностроительном заводе Карла Берда в 1795 году. Окончанием мануфактурного периода мы можем считать 90-е годы XVIII века.

Таким образом, мануфактурный период в марксистском понимании этого слова продолжался в России с 30-х годов XVII в. до начала 90-х годов XVIII века.

На смену мануфактурному процессу производства пришла крупная машинная индустрия. Преобразование средств производства, технический переворот повлекли за собой переворот в общественном способе производства, крутую ломку общественных отношений.

Промышленный переворот, начавшись в Англии, вскоре захватил и Россию. В Англии он произошёл в последней трети XVIII века. Исходным пунктом его там было массовое изготовление бумагопрядильных машин «дженни» Харгривса с 1768 г., машины Аркрайта — с 1769 г. и, главное, парового двигателя Уатта — с 1785 года. Промышленная революция в Англии не означала быстрого проникновения машин даже в хлопчатобумажное производство, в котором машины более всего стали находить применение.

³⁸ П. Любомиров. Указ. соч., стр. 72.

³⁹ См. К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 376.

ние; ещё в 1813 г. в хлопчатобумажном производстве работало механических ткацких станков не свыше 1% от общего числа ткацких станков, количество паровых двигателей в 1800 г. в Англии было равно 723.

Не количественная сторона была показателем промышленной революции, а те качественные сдвиги, которые, пусть ещё не в большой степени, произошли в способе производства и производственных отношениях и которые были осознаны участниками производственного процесса.

Академик С. Г. Струмилин, пытаясь датировать промышленный переворот в России, увлёкся аналогией кривой роста ввоза хлопка в Россию и Англию и подменил вопрос о промышленном перевороте вопросом об уровне и темпе развития хлопчатобумажного производства. Он считает, что только при достижении русской хлопчатобумажной промышленностью уровня производства, который был в начале промышленного переворота в Англии, начинается промышленный переворот в России. После такой подмены одного вопроса другим промышленный переворот в России отодвигается на 30—40-е годы XIX века. А между тем С. Г. Струмилину известно, сколь незначительно было применение машин на прядильных и ткацких предприятиях Англии в конце XVIII века. Общее количество переработанного хлопка не характеризует промышленного переворота. Кроме того автор не принимает в расчёт, что машины стали применяться и в других отраслях промышленности⁴⁰.

Промышленный переворот начался в России, как и в других странах, при том уровне производства, который был достигнут к моменту применения первых машин. Началом переворота у нас было внедрение в промышленность отечественных и ввозных машин в 90-е годы XVIII века.

Труднее установить окончание промышленного переворота.

Темп, с каким машины овладели производством в России, нельзя признать слишком медленным; уже за первую четверть XIX в. машина в России революционизировала производство настолько, что производственные отношения мануфактурного периода стали более нетерпимы. Машин сделали часть рабочих излишними для производства, но не во власти владельцев посессионных предприятий было сократить число рабочих рук; машины требовали новых приёмов работы, но приписные рабочие не обязаны были их изучать; при введении машин иногда было более выгодно оставить прежнее производство и перейти к новому, но посессионным предприятиям это не разрешалось.

Изменение устаревшего института посессионных предприятий стало осознанной необходимостью для их владельцев уже в первой четверти XIX века. По их требованию 20 декабря 1824 г. издаётся закон, которым разрешалось увольнение фабричных посессионных крестьян в другие звания в случае просьбы об этом фабриканта. В 1835 г. владельцам посессионных фабрик было дано право отпускать посессионных крестьян и мастеровых по паспортам. Наконец, 18 июня 1840 г. правительством были выработаны особые правила увольнения посессионных и фабричных рабочих. Этот закон фактически означал ликвидацию посессионного владения. Несмотря на невыгодное для фабрикантов условие увольнения рабочих, большинство их воспользовалось законом для прекращения прежних отношений с рабочими ещё задолго до реформы 1861 года. Решающую роль при этом сыграли постоянные волнения рабочих посессионных предприятий, которые были выражением негодности старых производственных отношений.

Разрушение посессионного производства было одной стороной промышленного переворота в России, другой — явился бурный рост с конца XVIII в. хлопчатобумажной промышленности и применения прядильных и ткацких машин.

Таким образом, если под промышленным переворотом понимать сдвиги в экономической и социальной структуре предприятий, которые расшатывают старые отношения мануфактурного периода и подводят затем к коренной их ломке, то данные сдвиги можно обнаружить в России в конце первой четверти XIX века. 1825 год можно условно считать конечной датой промышленного переворота.

После всего сказанного попытаемся наметить хронологические этапы капиталистического уклада в России. Периодизация капиталистического уклада, а в основном истории промышленности сводится к выделению более или менее определённых отрезков времени, в которые наблюдались какие-то характерные изменения в его развитии.

⁴⁰ С. Струмилин. Промышленный переворот в России. Огиз. 1944.

Она должна обладать конкретностью и быть тесно связана с периодизацией социально-политической истории.

Правильнее было бы для экономической истории выражать периоды в десятилетиях, ибо появление новых признаков развития экономики нельзя приурочить к какому-нибудь определённом году, но такая периодизация не будет наглядной. Условно, как границу периода, лучше брать конкретный год. Примерные этапы развития капиталистического уклада в России при такой постановке вопроса можно представить в следующем виде. 30-е годы XVII в. — 1694 год — начало мануфактурного периода в России. Появление отмеченных источниками мануфактур, распространение наёмного труда на промыслах, водном транспорте, городском строительстве и т. д. — начало складывания всероссийского рынка.

1694—1709 годы — резкое проявление моментов первоначального накопления, строительство казённых мануфактур, вызванное неотложными потребностями Азовских походов и Северной войны.

1709—1724 годы — привлечение купеческого капитала в промышленность и частичная передача казённых мануфактур в частные руки, разработка протекционистской политики, введение практики приписки рабочих к мануфактурам.

1724—1762 годы — стеснение деятельности «безуказной» промышленности. Завершение процесса создания кадров приписных рабочих.

1762—1775 годы — рост вотчинных мануфактур. Колебание правительства в вопросе борьбы с «безуказной» промышленностью. Лишение купечества права душевладения.

1775—1790 годы — отмена правительственных стеснений в развитии крестьянской промышленности и объявление свободы промышленной деятельности вследствие угрозы со стороны революционно настроенных масс и в целях повышения доходности помещичьих имений. Введение фритредерского тарифа по требованию землевладельцев-дворян.

1790—1825 годы — промышленный переворот. Кризис посессионных мануфактур. Быстрое развитие хлопчатобумажной промышленности. Начало упадка железорудной промышленности Урала. Резкое увеличение оборотов внутренней и внешней торговли.

1825—1857 годы — постепенная ликвидация института приписных рабочих под влиянием повсеместных волнений рабочих посессионных мануфактур и экономической невыгодности труда приписных рабочих при переходе на машинную технику. Продолжающийся рост бумаготкацкого производства. Переход к протекционизму.

1857—1860 годы — первый промышленный кризис.

Данная периодизация намечает лишь примерно эволюцию капиталистического уклада, который возник и развивался одновременно с господством феодально-крепостнической системы. Историко-экономические условия придавали ему порой уродливые формы.

Рост капиталистического производства и связанного с ним обмена разъедал ткань феодальной системы в земледелии, делая всё более невыносимыми производственные отношения, основанные на крепостном труде, обострял антифеодальную классовую борьбу, которая поднялась в 1857—1860 гг. до революционной ситуации.

В то же время развитие производительных сил, прежде всего в промышленности, стеснённые феодальными отношениями, незамедлительно требовало сделать решительный шаг по пути капитализма.

Отмена крепостного права, проведённая правительством крепостников с наибольшим сохранением в сельском хозяйстве феодальных отношений, всё же дала некоторый простор для роста капитализма и в этой отсталой отрасли народного хозяйства царской России, хотя коренная юнкерско-буржуазная ломка феодальных порядков в сельском хозяйстве началась после буржуазно-демократической революции 1905—1907 годов.